

христианство из Византии, поставить в зависимость от византийского императора и в политическом и в церковном отношении. На истории взаимоотношений Византии и древней Руси мы видим, с каким исключительным упорством Византия пыталась добиться осуществления этих взглядов на практике.

Византийская церковь, согласно своей доктрине о императоре как помазаннике божьем и покровителе вселенской церкви, принимала все меры прежде всего к тому, чтобы поддержать авторитет императора в управлении русской церковью. В грамотах о поставлении митрополитов всея Руси константинопольские патриархи обычно свидетельствуют, что это поставление совершено „по соизволению и согласно высочайшаго и святаго моего самодержца“, „по благоизволению и согласию высочайшаго и святаго моего самодержца“, „благоволением и поспешением святаго боговечнаго царя“ и т. п.¹ В компетенцию императора входил также вопрос о границах русской митрополии и ее единстве. В спорных случаях по этому вопросу император или выпускал особый хрисовул, или председательствовал на соборе, разбиравшем дело, или давал свое „распоряжение и определение“.²

Но греческим политикам нельзя отказать в трезвом восприятии и правильном понимании исторической и политической обстановки. Императорские грамоты, которые иногда сопровождали решения императоров или постановления соборов по делам русской митрополии, наглядно показывают это. Тон этих грамот имеет характер убеждения, а не предписания.³ Чем более ослабевала Византия, тем яснее ее политики давали себе отчет в невозможности добиться политической зависимости Руси от империи; тем чаще стремились они предотвратить резкие конфликты, если они назревали; иногда отказывались от своих требований, а затем вновь выдвигали их. Одним из вопросов, обнаруживающих эту гибкость византийской политики по отношению к древней Руси, ее уступчивость и в то же время упорство в достижении поставленных целей, является, как известно, вопрос об избрании и поставлении константинопольским патриархом высших представителей русского церковного управления. М. Дьяконов приводит интересные данные о поставлении митрополитов на русскую митрополию. „Митрополиты греки, — пишет он, — были преобладающим явлением в течение всего времени, пока поставление на митрополию всея Руси происходило в Константинополе. До монгольского ига из 21 митрополита только двое были несомненно русские, и те были поставлены собором русских епископов. После монгольского ига митрополитами всея Руси были четверо русских, поставленных в Константинополе“.⁴ Но и эти немногие отступления от обычной практики в глазах константинопольских патриархов были нежелательным явлением, поэтому некоторые из константинопольских патриархов сообщали об избрании митрополитом русского сопровождают в своих грамотах подлинно юридическими оговорками, боясь создания прецедента. В этом отношении весьма характерна грамота о поставлении митрополита Алексея. „Мы, — говорится в этой грамоте, — хотя это совершенно необычно и не вполне безопасно для церкви, согласились на это только относительно одного кир Алексея, но отнюдь не допускаем и не дозволяем на будущее

¹ Акты исторические, т. I, № 254; Русская историческая библиотека, т. VI, прилож., стр. 48, 54, 68, 182.

² Русская историческая библиотека, т. VI, прилож., № 3, стр. 74, 76, 226.

³ Там же, стр. 34 и 40.

⁴ М. Дьяконов. Власть московских государей, стр. 5.